

**Языки
славянских
культур**

В. П. Григорьев

**ВЕЛИМИР
ХЛЕБНИКОВ
В ЧЕТЫРЕХМЕРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
ЯЗЫКА**

**Избранные
работы.
1958–2000-е
годы**

**Языки
славянских
культур**

**МОСКВА
2006**

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Г 83

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 05-04-16171

Григорьев В. П.

Г 83 Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избранные работы. 1958—2000-е годы. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 816 с.

ISBN 5-9551-0141-1

В книгу вошли статьи 1958—2004 гг., сжато представившие путь автора к выдвигаемой им идее 4-мерного пространства(времени) языка: в ней семантике, синтактике и прагматике сопоставлена «эвристика», охватывающая и пронизывающая их. В основании идеи лежит, прежде всего, творчество Велимира Хлебникова; автор видит в нем «нашего Эйнштейна от гуманитарии». В развитие теории экспресsem, с опорой на «Словарь языка русской поэзии XX века», обсуждается модель «Словаря эвристеm» с отбором в него «сильных» (в идейно-художественном смысле) контекстов из источников и проблема динамики в самой эвристике, условная смена «парадигмы Блока» («парадигмой Хлебникова», т. е. их «метабиотические» связи. Идею эвристики во многом обусловили опыт прямых учителей автора (это А. А. Реформатский, В. В. Виноградов, Е. А. Бокарёв) и специфический круг его интересов: к русистике и целостной филологии, словообразованию, лексикографии, языку поэзии, интерлингвистике, кризису младограмматизма, Будетлянину, Авангарду; к модели языковых функций и модели «Смысл ↔ Текст», единству искусства и науки, лингвистической эстетике и эстетической гносеологии, ОПОЯЗу, семиотике и МФШ, культуре языка и языковой политике, Чехову, Н. Бору, диалогу и воображаемой логике, А. Белому, О. Мандельштаму, М. М. Бахтину, стиховедению, «принципам XX века»... О том, как всё это действовало и «сошлось», рассказано в необычном введении к книге — «От автора. Пути». Статьи комментируются с позиций преобразования филологической парадигмы, рассчитанного на сближение лингвистики и литературоведения.

Для филологов, культурологов, всех интересующихся языком поэзии и языком вообще.

ББК 83.3

В оформлении переплета использованы фрагменты иллюстрации В. В. Хлебниковой к стихотворению Велимира Хлебникова «Снежимочка» (1920-е годы)

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0141-1

© В. П. Григорьев, 2006
© Языки славянских культур, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений.....	9
От автора. Пути.....	11

СТАТЬИ И ТЕЗИСЫ

0. «Предполье». 1950-е годы

1. К вопросу о грамматических отношениях между компонентами сложного существительного (1958).....	31
---	----

I. От интерлингвистики и экспрессымы к «Поэтике слова» и неизвестному Хлебникову

2. И. А. Бодуэн де Куртэнэ и интерлингвистика (1960).....	43
3. О нормализаторской деятельности и языковом «пяточке» (1961).....	55
4. Культура языка и языковая политика (Вместо рецензии на книгу К. И. Чуковского) (1963).....	67
5. О некоторых вопросах интерлингвистики (1961 → 1966).....	79
6. О задачах лингвистической поэтики (1966).....	91
7. О структурализме в литературоведении (1969).....	105
8. О единицах художественной речи (1971).....	108
9. Финали «согласный + сонант» в поэтической речи (1971).....	116
10. К проблеме перифразы (1974).....	122
11. От редактора (1974; 1982).....	135
12. Ономастика Велимира Хлебникова (индивидуальная поэтическая норма) (1976).....	144
13. Искусственные вспомогательные международные языки как интерлингвистическая проблема (1976).....	159
14. От текста к языку и снова к тексту (1977).....	174
15. Лингвистика, поэтика, эстетика: О разных подходах к поэтическому языку (1979).....	182
16. Собственные имена и связанные с ними апеллятивы в словотворчестве Хлебникова (1981).....	195
17. «Лети, созвездье человечье...» (В. Хлебников-интерлингвист) (1982).....	217
18. Скорнение (1982).....	227

II. Через оппозицию бюджетлянство / кубофутуризм к общей идее «принципов XX века» и связке А. Белый – Хлебников – Мандельштам

19. «Язык как творчество» (1989)	233
20. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Основные задачи, проблемы и перспективы (1989)	236
21. Культура языка и культура речи (1990)	243
22. О трансфразеологии (1990)	246
23. Вопросы велимироведения (1985 → 1990)	251
24. Предисловие (1991)	258
25. «Постфактум» (1991) (<i>неопубл.</i>)	270
26. От редактора (1994)	274

III. Через словарь «Самовитое слово» к понятиям идЕостиля и интер(кон)текстуальности и снова к экспресеме

27. Интертекстуальность и сопоставительная идиостилистика (1994)	283
28. Самовитое слово и его словарное представление (1994)	286
29. Язык экологии. Экология культуры. Культура языка (1994)	294
30. Словарь «Самовитое слово»: семантика vs. эстетика? (1997)	299
31. Велимир Хлебников (1998)	301
32. Введение (1998)	350
33. В. Хлебников: <i>Вежа, двигавя и путь</i> (1999)	370
34. Заметки к теме «Хлебников и Солженицын» (2000)	380
35. Чудо-безумец Вежа перед филологией XXI века (2000)	382
36. Взлеты и падения Авангарда (2001)	390
37. В защиту Бюджетлянина (Оппонирую О. А. Седаковой и «Миру» Хлебникова) (2000, 2001, 2004)	400

IV. Через книгу «Бюджетлянин» и «Словарь языка русской поэзии XX века» к «Словарю избранных экспресем»

38. Три оппозиции в идЕостиле В. Хлебникова: <i>славь / немь</i> , Восток / Запад, зангезийство / ? (2001—2003)	415
39. Оппонента вызывали? (2001) (<i>неопубл.</i>)	429
40. Об одном тире в одном из «Восьмистиший» Осипа Мандельштама (2002)	432
41. Хлебников без ретуши (К выходу в свет двух первых томов его Собрания сочинений) (2002)	447
42. «Безумный, но изумительный» (2002)	478
43. Ламарк и Хлебников (параллельные миры в «Восьмистиших» О. Мандельштама) (2002)	488

44. Принципы составления «Словаря языка русской поэзии XX века» (2002) (в соавторстве с Л. И. Колодяжной и Л. Л. Шестаковой)	490
45. Мандельштам и Хлебников, I (2002).	497
46. Мандельштам и Хлебников, II (2003).	503
47. Культура языка и языковая политика (2003).	519
48. Слова в контекстах русской поэзии XX века (О «Словаре избранных экспресsem») (2003).	538
49. Образы порядка и беспорядка у В. Хлебникова (2003).	558
50. Велимир Хлебников у входа в контекстную элиту русской поэзии XX века (2003).	570
51. В поисках сущности поэмы «Синие оковы» (материалы к комментарию) (2003).	580
52. Ответ В. В. Полонскому (2003)	606

V. Эвристика как четвертое измерение языка.

Эвристики как достояние культуры. «Наш Эйнштейн от гуманитарии».

Идея преобразования филологической парадигмы

53. О Хлебникове-художнике (К проблемам лингвистической эстетики) (2003—2004)	615
54. Цитаты дня в творчестве Хлебникова (2003—2004)	631
55. Крестословица «Хлебников» и несколько не отмеченных в ней сюжетов и смыслов (2003—2004)	648
56. Хлебников и уроки Конференции-фестиваля 2003 года (2003—2004)	660
57. Хлебников: без словаря как без рук (2003—2004).	667
58. Блок и Хлебников в четырехмерном пространстве языка (заметки к проблеме) (2003—2004).	671
59. О четырехмерном пространстве языка (Блок и Хлебников: эвристика в парадигмальных экспрессемах) (2003—2004)	674
60. Диалогическая (не)интеллигентность (2003—2004).	712
61. Принципы XX века. 1. Велимир Хлебников (2003).	737
62. Велимир Хлебников и четвертое измерение языка (2004)	743
63. Эвристика и четырехмерное пространство языка (2004)	750
Пояснения к статьям и тезисам	762
Основные книги автора и коллективные труды	777
Иные виды работ	779
Перечень ряда фоновых текстов автора	784
Указатель имен	791

Список сокращений

- АБ — Александр Блок
АГПУ — Астраханский государственный педагогический университет
Анн — (Иннокентий) Анненский
Ахм — (Анна) Ахматова
БГУ — Белорусский государственный университет
ВГПУ — Владимирский государственный педагогический университет
ВПУ — Военно-пехотное училище
ВЯ — (журнал) «Вопросы языкознания»
ГПБ — Государственная публичная библиотека (→ РНБ)
ДС — «Доски судьбы» (и/или *Хлебников В.* Доски судьбы. М., [1922—1923])
Ес — (Сергей) Есенин
ИАН СЛЯ — Известия АН СССР (и РАН). Серия литературы и языка
ИМЛИ — Институт мировой литературы АН СССР и РАН
ИОВ — инвалид (Великой) Отечественной войны
ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР и РАН
ИРЯз — Институт русского языка АН СССР и РАН
КГПИ — Костромской государственный педагогический институт
КГУ — Калининский государственный университет
Куз — (Михаил) Кузмин
ЛП — лингвистическая поэтика
ЛЭ — лингвистическая эстетика
М — (Владимир) Маяковский
МВТУ — Московское высшее техническое училище (им. Баумана)
МГЛУ — Московский государственный лингвистический университет
МГПИ — Моск. *горпедин-т* (им. Потёмкина) → Моск. *госпедин-т* (им. Ленина)
МЛК — Московский лингвистический кружок
МЛШ — Московская лингвистическая школа
МПГУ — Московский педагогический государственный университет (← МГосПИ)
МСЭ — Малая советская энциклопедия
НП — *Хлебников В.* Неизданные произведения. Л., 1940
ОМ — Осип Мандельштам
П — (Борис) Пастернак
ПД — «Поэтический Даль» (= СЯРП)
ПЗШ — Председатель Земного шара
ПК — персональный компьютер
ПО — «Поэтический Ожегов» (как компрессия ПД и «Словарь эвриستم»)
ПЯ — поэтический язык
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (← ЦГАЛИ)
РНБ — Российская национальная библиотека (СПб.; ← ГПБ)

- РР — (журнал) «Русская речь»
СНО — Студенческое научное общество
СО — (поэма Хлебникова) «Синие оковы»
СП — *Хлебников В.* Собрание произведений. Т. 1—5. Л., 1928—1933
Стихи — *Хлебников В.* Стихи. М., 1923
СЯРП — «Словарь языка русской поэзии XX века» (= ПД)
Твор. и Творения — *Хлебников В.* Творения. М., 1986
ТГУ — Тартуский государственный университет
ТЗС — «Труды по знаковым системам» (Тарту)
Фон — отсылка к «Перечню ряда фоновых текстов автора»
ХГПИ — Харьковский государственный педагогический институт
ХГПУ — Харьковский государственный педагогический университет
Хл — (Велимир) Хлебников
Цв — (Марина) Цветаева
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (→
РГАЛИ)
ЧДУ — Чернівецький державний університет
RL — «Russian Literature»

От автора. Пути

Жизнь есть частное числа дел и количества времени.
Хлебников (1912?)

Когда, в течение и, особенно, к концу 2003 года, внешне разрозненные занятия и давние идеи автора, неожиданно объединившись, стали критической массой для некоторого прорыва к новому представлению о самой сущности языка, — сквозь сложную сеть переосмысленных парадигм и понятийных связей поэтической лексикографии с велимироведением, лингвистической эстетикой и интерлингвистикой естественно проступила благодарная память о призывных строчках, увенчивающих стихотворение Хлебникова «Кузнечик» (прошу прощения и за явную вольность в графике):

«Пинь, пинь, пинь!» — тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

В самом деле, почему озарения (конечно, если это настоящий инсайт, а не обманчивый, по Ф. Г. Раневской, «пук в вечность») пришлось ждать так долго? Чему конкретно автор им, «озарением», обязан? Какими вехами может быть обозначена очень непрямая дорога к осознанию истинной (?) мерности языка? Короче, сама извилистость путей, движение не по заданному заранее маршруту, а по указкам столь разнонаправленных интересов заставляют «отвлечься на авторефлексию» с какой-то долей уверенности в том, что конкретика индивидуального опыта блужданий может чем-то послужить и дальнейшему прояснению истин языка, «мудрого, как природа».

Собранные в этой книге работы упорядочены хронологически (с точностью до года). Очевидное разнообразие затрагивавшейся в них тематики наглядно отражает реальную последовательность обращений автора к проблемам, которые занимали его в течение десятилетий. В то же время, возможно, читатель обнаружит во внешней чересполосице исследовательских поисков и мотивов своего рода «непреднамеренную телеологию», направлявшую статьи, а теперь и связывающую их задним числом в определенное единство как будто и разбросанных, но настойчивых «шагов итерации», и если угодно, ощутит некую доморощенную «фрактальную логику». В 50-е и даже 90-е годы представить себе отчетливо систему и динамику отношений между ее основными «аттракторами», их неявные воздействия на смысл множества конкретно решаемых задач не смог бы, пожалуй, никто.

Только сейчас, в ретроспективе, пути, которые в конце концов привели автора к **идее «эвристики» как 4-го измерения языка** и, соответственно, к выводу о необходимости нелегкого пересмотра существа современной филологической парадигмы, поддаются начальной систематизации, хотя бы конспективному обзору и осмыслению. В плане автобиографии, видимо, уместно сказать, что своеобразным крестным отцом понятия и слова *экспрессема* уже в 50-е годы был «обречен» стать *Веха* — *Велимир Хлебников*, а крестной матерью — *интерлингвистика*. Но в таком случае повивальной бабкой у дитяти оказалась полемика с некоторыми установками «Словаря языка Пушкина» и «Словаря Автобиографической трилогии М. Горького». Эта развилка и обусловила появление на свет экспрессымы в новой, альтернативной концепции *поэтической лексикографии*. (Над миром уже витал и дух *семиотики*.)

Первым из особого рода их «восприемников» при этом был Бодуэн как критик парадигмы младограмматизма. Ими стали также ОПОЯЗ и МЛК, Тынянов и Якобсон, а далее МЛШ в целом и прямые учителя автора — такие разные и замечательные ученые (ограничимся здесь лишь тремя славными именами): А. А. Реформатский, В. В. Виноградов, Е. А. Бокарёв... Но в Академии наук тех лет за судьбой новорожденных следили попечители иного, уж совсем особого рода. В 1967 г. ими был искусно устроен «идеологический погром» — и вот около 40 лет экспрессема пробивалась к правопринятию лишь в порядке экспериментов и проб, сквозь рогатки властно-ученого официоза. Едва ли тут можно было ожидать чего-то другого. Боль иная: экспрессема и сегодня живет при двусмысленном молчании — дефиците внимания к отроковице даже у очень и самых близких коллег-лингвистов, желанных и достойных потенциальных воспитателей-оппонентов, с трудом отвлекающихся от «своих дел». Так что долго не отпускало сомнение: не мертворожденное ли это дитя? Уж не снисходил ли все эти годы толерантный высокий ареопаг к двум увлечениям автора: *Вехой* и этой бэби (затем юной девой и загадочной дамой) — экспрессымой?

Вроде бы нет: в свое время проспект «Словаря языка русской советской поэзии» (1965) вызвал интерес и у Р. О. Якобсона. Часть откликов была подробно обсуждена в коллективной работе «Поэт и слово. Опыт словаря» (1973). Идея экспрессымы заняла целый раздел в моей книге «Поэтика слова» (1979). Письма к автору в ответ на широко рассылаемые им названные работы, конечно же, были большой поддержкой. И тем не менее: в печати экспрессыму, как правило, попросту обходили, будто зачумленную. Тоже достаточно важная для меня, но относительно частная проблема «паронимического взрыва» в поэзии начала XX века вызвала диалог и получила какое-то признание, экспрессыму же как бы заведомо множили на нуль, если, простите, не «топили в сортире» как «незаконное формирование» или фикцию — «*утопему*».

Оппонент вправе сказать: не стоит преувеличивать. Коллеги, мол, не желая как-то перебежать Вам дорогу хотя бы и самой высокой Критикой, если и помалкивали, то внимательно следили за тем, какие еще творческие данные обнаружит Ваша подрастающая «пенатка». *Уже* опыт словаря «Самовитое слово» (1998!) был отмечен вполне благожелательными откликами. А два первых тома

«Словаря языка русской поэзии XX века» (СЯРП 2001, 2003) — этого «Поэтического Даля» (ПД) — мы, дескать, еще перевариваем. Вот Вы замахивались (1994) и на «Поэтического Ожегова» (ПО) — его мы и ждем-с. — Оставив в стороне юмор Пруткова на тему «смычка́» и его потребности в «канифоли», а также «серную спичку», способную «согреть», вникнем лишь у того же Мандельштама в горькие слова из статьи «О собеседнике» (1913): «Нет ничего более страшного для человека, чем другой человек, которому нет до него никакого дела». И Будетлянин, и посвященный ему том «Будетлянин» (2000) это подтвердят.

Максимализм? Это откуда смотреть. Прагматика «здорового смысла» говорит одно (ср.: «Политика — искусство возможного»), а постулат творянина-*Главздравмысла* — того же мудрого Вехи — нечто совсем иное: «Хоти невозможного». Диалог Мандельштама с будетлянством давно вышел за пределы «промера» и «Восьмистиший», на уровень идЕоустилей и «принципа интеллигентности» (из подзабытой в XX веке не одними властями этики Чехова). Когда еще (и кем это?) было написано «Единство — тебе поклонюсь!». Не блоку же «Единство», а единству Вселенной и мира столь все еще разобщенных «одиноких лицедеев», вопреки «прошлецам» — этим «единягам» или «жирикам», олигархам или зарогозинским «олегархам»... Идее экспрессемы с самого начала было тесно в рамках лишь словарного дела. Ее гены — и от истории понятия «поэтический язык», и от фундаментальных теорий не только в филологии. От таких дискурсов, которые исповедуют диалог и полемику, синтез науки с искусством, строгость — с открытой публицистичностью, принцип «обратного величия малого»...

Разумеется, внутренней поддержкой для автора постоянно был бесценный опыт Хлебникова. В книге «Будетлянин» и многих ее предтечах — сериях статей и книгах «Грамматика идиостиля» (1983), «Словотворчество и смежные проблемы языка поэта» (1986) — экспрессема уступила место лишь отчасти конкурирующей задаче — введению в научный обиход и интерпретации архивных материалов по все еще «неизвестному Хлебникову». В 70-е гг. они явились подлинным откровением. Путь в фонд 527 в ЦГАЛИ / РГАЛИ еще раньше проложили Вяч. Вс. Иванов, Х. Баран, Б. Лённквист, Р. В. Дуганов, Р. Вроон и др., дав этим урок и велимироведам, и культурологам. Но до чего по-разному видимые и оцениваемые богатства извлекает каждый из нас, обращающихся к этому фонду, в котором одна-единственная строчка нередко оказывается «эвристическим конкурентом» целой поэмы...

Филологический и общекультурный «обиход» в целом здесь также, на мой взгляд, обнаружил достаточно много прискорбных признаков «лености и нелюбопытства». Долгая борьба за лингвистическую поэтику не научила же, к примеру и сожалению, *своевременно* брать в толк идеи лингвистической эстетики или поэтической гносеологии, или «принципа единой левизны», или «принципов XX века». Ощущение, что, взывая к критике, настаивая на диалоге, напрашиваясь на него, десятилетиями выступаешь каким-то «парадоксальным монологомистом», лишь усиливается от обилия фактов кризисного «диалога глухих» («довольных и успешных временщиков»; ср. политшумихи с господствующим

а-диалогизмом СМИ) во всем нашем обществе. Гипостазия самоуверенных плюсов долгожданного пресловутого *плюрализма* с легкостью закрывает глаза на минусы его самодовольства. Следствие: ветхая стена непонимания между лагерями лингвистов и литературоведов беспечно пережила падение «внутриберлинской»...

Велимироведам еще предстоит добраться до нетривиального, даже несколько неожиданного смысла слов Хлебникова «Косу плету из Рейна и Ганга, и Хоанхо» (1916). По-видимому, здесь перед нами один из ранних, но уже вполне осознанных шагов поэта от Востока *или* Запада к «зангезийству» (и его логике *и — и*). Воспользуюсь этим образом «**плетения косы**», чтобы представить, в самом сжатом виде, как где-то там, на глубине, взаимодействовали пути-векторы и собственных авторских «осад», или «прядей», приведшие к расщеплению понятия экспрессемы. Но поздняя идея бифуркации (креатема — эврестема) не влияла сама по себе ни на одну из множества личных «метабиотических осад»: своим рождением *эврестема* обязана лишь не вполне еще осмысленному инсайту, отложенному «временем — мерой мира», вопреки ли помехам, благодаря ли подмогам, «всего-то» на 40 лет. Что бы изменилось от простого переименования экспрессемы в креатему, как советовал (публично, а все же не в печати) Л. А. Новиков, мой оппонент на докторской защите, в 1978 г.?

Видимо, последовательности появления и мере устойчивости отдельных «прядей в косе» отвечает непроявленное множество внутренних причинно-следственных связей между ними. Здесь едва ли уместно попытаться выявить все такие, «в принципе», и общественно важные связи или, в духе Вехи, некие ритмы авторских переходов от проблемы к проблеме, от «осады» к «осаде». Это движение представит достаточно условная периодизация публикуемых ниже работ, которые дополняют собранное ранее в книге «Будетлянин» и других книгах автора. Итак — «*Пути*». В этом слове и память о юности, уже знакомой с изданием ДС, но также с СП под ред. Ю. Н. Тынянова и Н. Л. Степанова, с НП под ред. Н. И. Харджиева и Т. С. Грица (дары друга нашей семьи статистика И. М. Богданова и биолога В. А. Свешникова, моего друга; в 1945 г. он ввел меня и в дом П. В. Митурича), даже с исходными «Подступами...» Якобсона (из библиотеки его друга — известного ряду поколений лингвистов и писателей «Бороды»).

Вот как в общих чертах (и почти без комментариев) развивалась эта неосознаваемая «игра с мировой волей», согласно сильному и важному для самопознания образу Игры в «Ка» у Хлебникова. Отстраняясь от пафоса и высей такой Игры, реальную заземлит метафора «игры в свои козыри». Они накапливались исподволь, видимо, с самого детства, умножая неброскую энергию друг друга и в поздние годы, когда ссылки на экспрессему бывали редчайшей радостью (если не досадой, как часто и сегодня в Рунете: все только и только «по Костомарову!»), а борьба за Будетлянина уже отдавала какими-то дурными коннотациями донкихотства. «**Пряди**» стали закладками в пробегаемой здесь ниже «единой книге» личного быта и бытия.

0000. 1930-е годы. (Коммуналка. Покровка, 11. «На липовой ноге...»). Полюсюк и Агардака. «Гаёмка моя, / Умчимся в края». Одно лето — Золоторучье на Волге, ряд лет под Москвой — у Вифании и в Радонеже. Рассказы мудрой мамы-учительницы о ее детстве у Неи, Виги и Унжи. «... откентелева же ты, что Тришки не знаешь?» «Епископ Гаттон». Рассказы отца, статистика и художника: о Дёме и Ашкадаре, земстве, арестах и ссылках, Д. Бурлюке, Вхутемасе, А. Д. Цюрупе, Наркомпросе (и Крупской). «Еж» и «Чиж». «Бобэоби», «Смехачи», «Каждый молод...». Серов, Левитан, Врубель (и его скамейка). К. Коровин. «История» Бенуа и «Ступени» Кандинского. Тяжелые альбомы репродукций. Викторина — игра читателей «Огонька». МСЭ. Двумя этажами выше, в кв. 15, живет ближайшая по духу семья Ильинских-Басилашвили: еще салага Олег, его мама, филолог-русист (подруга моей сестры Лиды — ангела-паркинсоника), строгий дед-архитектор и бабушка — пересемшница высшей пробы. У них есть БСЭ, у нас — чеховиана, украшавшая частые общие посиделки. Интернационализм. Аксаковская Воря и Мансанарес. Футбол. Музеи. «Недоросль», «Маленькие дикари», «Норвежские сказки». «Ревизор», «Капитанская дочка». «Война и мир». Помяловский: «В старину живали деды веселей своих внучат» — и Чернышевский. Чистые пруды. Школа — напротив Покровских казарм, без особой казенщины. Тесты педологов. Шахматы. В 5-м классе исчез не только Коля *Бухарин*... «Брат Знаменский» *Лёшка* (будущий матфизик А. Г. Свешников). «Отмерялы». «Нивкас» Пашков — чудный учитель-физик, «деспот-немец» В. И. Бенгаузен. Погоня за авто; к 1941 г. — коллекция из 103 звучных марок машин: De Dion Bouton, Delonay Belville, De Soto, *Джизмси*, Hamilcar, Nanomag, Hispana Suiza, Isotta Fraschini, La Salle, Panhard Levassor, Steyr, Vauxhall... Искусство кадра в «Чапаеве». Чаплин. Валлотон. Г. Грос. Гоген. Цорн — и «Смерть комиссара». «Герой нашего времени» и «Валерик». Спорт во дворе, на стадионах, в бассейне. К серьезной музыке тянуло слабо — песни! («**Пряди**» — чуткость Чехова & таинства обаяния Хлебникова & «ясность» прозы классиков & магия их поэзии & очень не безоблачное и все-таки счастливое детство & разнообразие аттракторов & начатки эстетики.)

000. Война. (Ранний Пастернак в но́чи бомбежек. 16.10.1941 — паника, а мы, школяры, роем эскарп в Кунцеве. 1942: экстернаты, а там *Володя* — В. А. Свешников и *Лёля* — Е. Ч. Ангевич. Из педагогов запомнился И. М. Дегтяревский. После эскарпов (еще и в Павшине) — аттестат. Почти семестр в МВТУ. Призыв. 6 месяцев ВПУ под Рыбинском и Саранском, оборванный приказом экзамен, эшелон: рядовыми — в бой. Август 1943: ранение под Старой Руссой; медсанбат, наводчика 45-тки оперируют, а в его вещмешке — противотанковая граната между напутствиями отца из томиков Пушкина и Хлебникова (было и напутствие в стихах: «Путь предназначенный свершай! Когда ж промчится буря в мире, Еще половим мы ерша, Поговорим о Велимире»). Они и медаль «За отвагу» полгода долечивали меня в тылу до нестроевика. В 1944 г., 07.11, на 2-м Прибалтийском, — крах «*симбиоза*»: кто-то «штабной» томики украл (вместе с англо-русским словарем, подарком библиотеки госпиталя в Костроме). Но ран-

ний госпиталь в Крестцах уже представляется уникально *метабиотичным*: здесь (возможно, в той самой палате!) умиравшего летом 1922 г. Предземшара и «бывшего пехотинца» Велимира летом 1943 г. как будто символически «с м е н и л» тяжело раненный рядовой, все же выхоженный медиками солдат Виктор, будущий воитель-велимировед, сменил и в общем для обоих 4-мерном пространстве языка... («Пряди» — чувства долга и плеча & самоограничения & преодоление страха и тягот & роль случая & судьба и свобода воли & трупы и «чистая грязь» vs. чистоплюйство & «оправдание смертям» & закалка & стихи & кровь / любовь & счастье ладомира.)

00. Конец 1940-х годов. (ИОВ на «гражданке» уже в исходе 1945 г. Быт. «Братья Карамазовы». «Бригада Маяковского». Заочник в МГУ: Н. И. Либан, Н. С. Поспелов, Н. Ю. Шведова, А. И. Воронков. «Гаврики». Очно — МГПИ им. Потёмкина: *Реформа!* И кто еще: П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров и И. С. Ильинская, В. Д. Левин... А там и С. М. Бонди, Г. А. Гуковский, В. Ф. Асмус, Е. Б. Тагер... *Саша* — А. В. Калинин. Комса. «Словарь языка Пушкина» (2 коп. карточка). «Диалектологический атлас»: экспедиции. «Тонкость не доказывает еще ума» — с детства приписывал Чехову (!). СНО. Тёрнер, Мане, Ван Гог, П. Кузнецов, М. Сарьян. «Тезисы о Фейербахе». «Развитие социализма от утопии к науке». «Анти-Дюринг». «Левизна» в коммунизме — «левизну» в рукописях Хл осмыслю лишь в 90-е. Пока же Мейерхольд из «Веселых проектов» Радлова и Зощенко 20-х гг. как-то спасал от борцов с «космополитизмом», а «поэт для эстетов» (Веха!), Ильф с Петровым и «Борода» — от марристов и аппаратчиков, затем — от партбоссов и назначенцев. («Пряди» — старые и новые друзья & синтагматика & марксизм-ленинизм & стихи / идеологии & «новые учения о языке» & мнения / аргументы & полемика.)

0. «Предполье». 1950-е годы. № 1 (Фон, 1—11) («Чем хотели бы заниматься?», — вопрос Реформатского мне-аспиранту. «А. А.! По душе поэтическая семантика. Вот бы...») — непередаваемы все оттенки горестно-смеховой гаммы в мудрой реакции руководителя: только что Самый Большой ученый разъяснил же всю пагубность «увлечения семантикой». Согласились на теории словосложения: еще в студенческом докладе на кафедре я оспаривал оценки Г. О. Винокуром словотворчества Хлебникова как «мусора», а его языка как «мечтаемого». Нейтрализация грамматических отношений между основами сложного слова. С 1952 г. — в «ВЯ». Виноградов и Бокарёв. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров. Е. А. Земская и «словообразователи». 1955 г. — защита дисс. Дискуссия 1957 г. Фонема и структурная лингвистика. Бодуэн, *оба* де Соссюра (Р. и Ф.), Лейбниц, Л. Кутюрá. С. К. Шаумян... С 1958 г. — ИРЯз. Н. А. Еськова и другие «потёмкинцы». Раскол в «ВЯ» перед IV Международным съездом славистов из-за Якобсона. Санкции. Черные рецензенты из доверенных лиц ЦК КПСС и АН СССР. Но: Н. И. Конрад и Э. К. Дрезен, Мандельштам и Цветаева. Библиотеки и книги. Эсперанто, «Esperantologio» и «Sciencaj studoj». Чайковский → Шуман, Моцарт, Бах... («Пряди» — семья и... «школы» & учителя и коллеги & Хлебников всюю

и почти всерьез & стихи и словотворчество & интерлингвистика & «ветер перемен» & откаты.»)

Между тем. 0—3. 50-е — 90-е годы. (Каждое лето ловля «лбосося»-форели не под Хемингуэя или Ф. Искандера (или М. Кузмина) — в лесной глуши, на Щеберёхе, Цыновле, Песчанке и Пёсчинке. В комарином раю, царстве крапивы и папоротников, еще не пуганых попервоначалу лосей и медведей, тетеревов и выдр, позднее — бобров. Скучный быт крошечной после войны д. Игнашёвка. «Котлы»-овраги. Неграмотная 90-летняя баба Уля, знавшая отброшенную грамотеями концовку к нашей неизбывной удали «Пьяному море по колено!»: «*a лужа по уши*». Сету-пастух Коля Куха, богатырь, работяга, надёжа; в его семье за обедом каждый ставил перед собой свою бутылку. Жуткий самогон: заглушку из котла часто выбивало — первач уходил паром. Горки водораздела. Болота. Морошка. До Волговерховья и до «личной» Новгородчины, т. е. как бы до топов «низаря», — рукой подать. Тем более до изб в Залучье и Жалыбне на Селигере. С его Собёнами, Колодой и Ускройней, Картунской речкой тож, с тонями Сопки, Ступа, Язовня, Трунёво и Голуха, островками Овчиный и Барашек, мысом Косёр, бакенами у отмели Великое. Заросли иван-чая, велимировы ели, пижма и ёльха, сосновые боры, зверобой, калган. Озеро Глубочек. Верста до него, а это уже не Каспий — Балтика: «И голоса морей звучат». Особый «абзац» — птицы (прелесть их голосов и имен перекликается с топонимами Приселигерья, каким-нибудь урочьем *Дрюменник*). Сильнейшим аттрактором они, очевидно, стали бы и без импульсов от Вехи, но включался его образ венника-венка, сплетаемого судьбой из разных сущностей. Звуки, краски и движения птиц здесь в единстве с выдержкой свидетеля. И новые трофеи из находок гнезд: вот оно — иволгино; соловыха вьет свое; страшный зев кукушонка в гнезде зарянки; а эти крохи — чудо-птенцы пеночки-веснички; дрозд-рябинник пикирует на тебя, смачно целя в лоб... На вечерней заре: трио великих артистов — певчего дрозда, славки-черноголовки и зяблика; «полупьяный» полет вспугнутого дергача. А зимняя ель (на еще не отнятой подмосковной даче) с зеленым дятлом два года подряд в один и тот же день? А сразу пять видов синиц, плюс *кузнечики-зинзиверы*, на подкормочном столе? А... Ср. «опыт бродяги» Хлебникова и «лепет домоседа» Пастернака: «Природа, мир, тайник вселенной...» — где тах. эвристики и какой? («**Пряди**» — природа в целом и во множестве деталей & город и деревня & жизнь глубинки без прикрас & Хлебников — учитель и в науке, и в эстетике, и в жизни, дополняющий любимых учителей.)

[Отступление для любителей — *ритмы* в Игнашёвке. Подъем по будильнику в 7.00. Тарелка холодной ухи из мелкой форели (+ головы и хвосты крупной), усеянная зеленым луком и укропом. Сосед приносит жаркое: три-четыре средних форельки из улова, отданного накануне его семейству. Черный кофе. Быстрая готовка бутербродов на обед. Резиновые сапоги с раструбами (made in France; это — со временем, до того — наш «Резинотрест» или/и кеды, а росы — сестры ливней), теплые носки, «штаны из Вероны» (поклон Марцио Марцаду-